— Если ты действительно хочешь этого, — прошептал голос, — ты теперь достаточно силен, чтобы преодолеть барьер. Он уже потерял большую часть своей силы. Сальватио прищурился, пытаясь уловить источник голоса. Ему показалось, что он даже что-то увидел, но, сконцентрировавшись, понял, что перед ним пустота. — Это твое решение… — добавил голос.Сальватио хотел было обернуться, чтобы понять, откуда доносится голос, но в этот момент дыхание его дяди прервалось. — Нет, нет, нет! Нет! — закричал Сальватио, отчаяние душило его. — Нет!Он инстинктивно потянулся к лбу дяди, его пальцы заплясали, вырисовывая руны в знакомом, но одновременно чуждом узоре. Затем он начертил те же руны на собственном лбу, после чего вырезал их на плоти и активировал. Все произошло в мгновение ока. Волны магии пронеслись по его телу, на миг ослепив Сальватио. Когда зрение вернулось, оно было более ярким, более насыщенным, чем прежде. Дядя издал хриплый вздох.— Ты не умрешь от меня, дядя, — слова прозвучали резко, и барьер в сознании Сальватио задрожал. Но что-то было не так. Магия Сальватио не текла так, как прежде. Что-то изменилось, что-то важное… — Магия крови, — прошептал он себе, — я не совершил пробуждение крови… Однако существо за барьером знало, что теперь остановить ритуал невозможно. Сальватио поставил на кон свою жизнь, активировав руны. Но почему-то это не имело значения. — У тебя есть выбор, — прошептал голос, — вспомни и спаси его и свою жизнь, или живи вечно в сожалении.Сальватио уже не был уверен, что голос не исходит из него самого. Он понимал, что, какие бы воспоминания ни скрывались за барьером в его сознании, какая бы боль ни таилась там, он должен их вспомнить. Он не простил бы себе, если бы мог спасти своего крестного отца, но не сделал этого из-за страха перед болью. С этой мыслью, с этим решением, стены его сознания рухнули, открывая доступ к потерянным воспоминаниям…— Значит… я останусь пятнадцатилетним — навсегда?! — Сальватио слышал собственный голос, обращенный к человеку, которого он знал как отца. — Я не уверен, — ответил отец, — но у меня есть теория. — Теория? — Ты не из этого времени. Даже если ты переродился здесь, ты все равно не должен существовать, потому что нет обстоятельств, которые могли бы привести к твоему появлению. — Отец продолжил: — Поэтому твое тело может находиться в стазисе, пока ты не вернешься в свое законное время. Это значит, что ты можешь расти в уме, но не в теле, до тех пор… — Но… как же умирать? — Моя теория предполагает, что ты не сможешь умереть, пока не вернешься в свое собственное время. Ты вне времени, пока не наступит день, когда ты покинул его. После этого ты должен стареть нормально. — Значит, мне будет пятнадцать лет в течение следующих тысячи или двух тысяч лет?! — Он был поражен ужасом, когда я рассказал ему об этом, — воспоминания Сальватио поведали о рыцаре, сэре Ланселоте, чьи мысли он видел. — Он хотел трижды убедиться, что василиск-венец не убил меня! — Эта история была правдой? — спросил рыцарь, наполовину ошеломленный, наполовину потрясенный. — Это была моя ставка, — беззаботно ответил Сальватио, — это был феникс, который исцелил меня. — Я удивлен, что твой отец не настоял на том, чтобы ты никогда больше не покидал его сторону, — сказал рыцарь. — Сколько зим ты насчитал, когда это случилось? Две? Три? С таким большим шрамом ты, должно быть, был совсем маленьким! Воспоминание о том, как двенадцатилетний Сальватио убил василиска… — Я учила тебя целительству десять лет, и теперь ты не хочешь завершить последний шаг в своей профессии? — спросила Моргана. — Целитель не может сражаться, — услышал Сальватио свой ответ. — А ты хочешь сражаться? — Нет, я хочу защищать. — В то время, в котором я вырос, заниматься магией крови было нормой. Ритуалы и зелья были наиболее часто используемыми видами магии. Для нас магия крови не была злом, просто это был способ обрести контроль над своим даром. — Сальватио слышал, как он сам говорил об этом одному из своих лучших друзей, Годрику. — Но сейчас это считается злом, так почему же ты не остановился? — возразил Годрик. — Потому что я не могу, — искренне ответил Сальватио. — Что значит "не могу"? — Магия крови может быть смертельно опасной, если… — затем Сальватио изменил свое объяснение: — Есть ритуалы и обряды, Годрик. Первые ритуалы, которые совершает друид, — это ритуалы, защищающие его тело от следующих ритуалов. После этого наступает

пробуждение крови. Если ты не хочешь делать пробуждение крови, ты можешь остановиться, защитив себя от других ритуалов. Но после пробуждения крови ты должен продолжать заниматься магией крови. Если ты не будешь этого делать, то потеряешь контроль над своей магией и, в конце концов, над своим разумом. Это не принесет тебе ничего хорошего, если ты остановишься. — О, — сказал Годрик, его глаза расширились, — значит… значит, ты должен это делать? Ты сойдешь с ума, если не будешь этого делать, верно? — Да. Но в любой магии, которую ты практикуешь, всегда есть риск неудачи. — А? Но… я не делал этого! Почему я должен называть тебя чудовищем?! — Сальватио услышал растерянный голос Годрика и почувствовал вкус своих обиженных и яростных чувств того времени. — Я не знаю, — ответил Сальватио, — я знаю только то, что это сделал ты! Ты назвал меня чудовищем прямо в лицо. Ты назвал моего отца, моих дедушку и бабушку, моего сына чудовищем в лицо! И ты спрашиваешь меня, почему я должен быть в ярости на тебя?! — Я бы никогда…! Вся эта дискуссия была о чистокровных и чистокровных детях в палатах Хауга! Это обсуждение не касалось тебя или твоей семьи! — Ну, новости, Годрик! Я чистокровный! Мой отец был чистокровным! Мои дедушка и бабушка были чистокровными! И мой сын тоже! Может, я и чистокровный смешанного происхождения, но, тем не менее, чистокровный! Я никогда не думал, что ты будешь считать меня существом, не способным вести себя по-человечески! — Мать была слабой. Она так и не поняла, что некоторые вещи нужно делать, чтобы приблизиться к нашему Фирболг-наследию. Этот ритуал один из них — в конце концов, наши предки бессмертны, значит, и мы должны быть бессмертными. Медрауд, младший брат, любимец семьи, произнес слова, что вызвали у Сальватио резкий отпор. — Не пытайся рассуждать со мной, брат, — отрезал целитель. — Я не пойму, о чем ты говоришь.— Ты всегда был больше похож на мать, — равнодушно бросил брат.— Нет! Ты похож на отца! Ты слишком ослеплен заботой о других, чтобы понять такую возможность! — вскипел Сальватио.— Думаю, на этот раз я горжусь тем, что ты считаешь меня похожим на Артура. Я бы даже не хотел быть похожим на тебя! — прошипел он в ответ. ***— Мне жаль, Сальвазсахар, — раздался в памяти Сальватио голос Певерелла. — Но твое время еще не пришло. Ты можешь возненавидеть меня за это позже, по праву, но если я тебе когда-нибудь понадоблюсь, а я все еще буду рядом, приди и найди меня. Я предал тебя однажды, я не сделаю этого снова. И тут до Сальватио дошли слова, которые он не слышал тогда, но которые вспомнил сейчас.— Скажите, милорд, неужели его страдания доставляют вам такое удовольствие, что вы заставляете меня продлевать их? — с отчаянием в голосе спросил Певерелл. В ответ раздался смех.— Нет, Певерелл, дитя мое, — прошептал ветер. — Но его время еще не пришло. Смерть не может забрать его, пока не исполнится круг.Это был тот же голос, что говорил с Сальватио всего несколько мгновений назад…— Это твое решение, дитя, — произнес голос. — Ты знаешь мою цену. Если ты будешь служить мне, как служили твои предки, я помогу тебе спасти твоего крестного отца…Сальвазсахар поднял глаза, пытаясь разглядеть в свете костра теневую фигуру. Затем его взгляд вернулся к человеку перед ним – человеку, который был жив только благодаря магии, связывавшей его с Сальвазсахаром. Это была неустойчивая связь, рискованная. Сальвазсахар чувствовал ее нестабильность, как чувствовал нестабильность собственного разума. И все же он должен был сделать это, должен был попытаться.

http://tl.rulate.ru/book/93005/3093489